

Конфуцианство

КОЛИЧЕСТВО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Конфуцианство не является религией в обычном понимании этого слова. Это система религиозных убеждений, формирующая духовные ценности большинства народов Азии.

По приблизительным оценкам, в мире насчитывается 1,3 миллиарда китайцев, 126 миллионов японцев, 26 миллионов корейцев и

74 миллиона вьетнамцев. Если учесть, что 90% всех представителей этих народов осознанно или неосознанно находятся под влиянием конфуцианского мировоззрения, то общее число последователей Конфуция составит около полутора миллиардов человек. Можно с уверенностью сказать: принципам конфуцианской этики следует почти четверть населения мира.

Восточная Азия сегодня переживает всплеск интереса к конфуцианству. Марксизм в Китае постепенно сдает свои позиции, и люди ищут для себя духовную опору, которая имела бы китайское происхождение. Китайское правительство не возражает против возрождения конфуцианства, поскольку это учение придает лояльности по отношению к государству особое значение.

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ

Многие полагают, что именно присущая конфуцианству этика труда послужила основой удивительно быстрого экономического роста, который сегодня наблюдается в Восточной Азии.

Во-первых, конфуцианская этика труда подразумевает также преданность своей семье. Верность семье формируется в этой жизни и продолжается после смерти.

Во-вторых, она основана на строгих нравственных принципах, требующих постоянно упражняться в добродетели, следовать мудрым советам, совершать добрые дела, воспитывать в себе верность, надежность и уважение к окружающим.

В-третьих, она ориентирована на «вечное» в земной жизни. Звучит парадоксально, однако понятие вечного в конфуцианстве не связано с продолжением существования человека на небесах. Вечность для конфуцианства состоит в том этическом влиянии, которое человек оказывает на мысли и ценностные ориентиры своих потомков. Как пишет Чжан, «влияние [предков] осуществляется не посредством силы, но посредством нравственного примера и воодушевления»¹.

ФИЛОСОФИЯ КОНФУЦИАНСТВА

Перед древними китайцами стояла задача объединить и привести к согласию различные племена, населявшие обширные равнины вдоль Желтой реки. В годы правления династии Чжоу (1122–897 гг. до Р. Х.) правитель Чжоу решил эту проблему путем создания ритуально-музыкальной культуры, которая подчеркивала потребность в гармонии в отношениях между людьми (более подробно о ритуально-музыкальной культуре см. в разделе «История даосизма» в главе «Даосизм»). В древнем сочинении под названием «Книга обрядов» говорилось, что «музыка способствует гармонии». Ю-цзы, один из учеников Конфуция, также говорил, что «функция обрядов — гармония». Ритуально-музыкальная культура породила стремление к согласию, что привело к интеграции различных племен, живших на одной территории.

Политический идеал, который, как надеялись, будет сформирован ритуально-музыкальной культурой, реализован не был, отчасти из-за того, что правитель государства Лу не следовал предписанным нормам.

Во времена Конфуция (551–479 гг. до Р. Х.) эта культура пришла в упадок, а вместе с ней исчезли добродетель и общественный порядок. Это крушение заставило людей задуматься о том, как возродить идеальную культуру и идеальный политический строй.

Конфуций, как в латинизированном варианте звучит китайское имя Кон-фу-цзы или Кун-цзы («учитель из рода Кун»), был премьер-министром государства Лу, высокообразованным интеллектуалом, страстно преданным идеям ритуально-музыкальной культуры.

Пытаясь возродить культурный и политический порядок прошлого, в возрасте пятидесяти шести лет он покинул свой дом и отправился путешествовать по всему Китаю, надеясь убедить землевладельцев и правителей следовать нормам ритуально-музыкальной культуры. Конфуций лелеял надежду «принести людям мир и безопасность», однако все его попытки установить политический строй, который обеспечил бы надежный мир, потерпели крах. Тогда Конфуций, которому было уже шестьдесят восемь лет, вернулся домой, где стал проповедовать и писать. Умер он в возрасте семидесяти трех лет.

Потерпев неудачу в попытках изменить культуру, Конфуций задумался над вопросами: означает ли неудача с возрождением гармоничного культурного строя что понятия добродетели и доброты невечны и преходящи? неужели добро и зло относительны? если нет, то на чем зиждутся добродетель и доброта? Таким образом, ход его размышлений перешел в метафизическую плоскость: что служит фундаментом доброты и добродетели в смутные времена?

В поисках решения этой проблемы Конфуций дошел до глубин человеческой природы, ища гармонию в нравственности. Другими словами, Конфуций призвал каждого человека серьезно обдумывать принимаемые решения и ответственно поступать перед лицом неблагоприятных обстоятельств.

Это ощущение нравственной ответственности было заложено в основу ритуально-музыкальной культуры, однако она потерпела крах. И все же Конфуций считал, что основание такой моральной ответственности существует, и искать его надо в нравственном чувстве человека, а именно в его жэнь. Жэнь можно перевести как «человечность» — это слово означает идеальную доброту или «доброе начало», которое есть в каждом человеке. Это «доброе начало» является источником всех добродетелей. Благодаря жэнь каждый человек способен задействовать свое «доброе начало» и тем самым прийти к идеальному состоянию жизни.

Вместо призыва к восстановлению прежнего культурно-политического строя, к реконструкции ритуально-музыкальной культуры, Конфуций старался теперь внушить каждому человеку, что необходимо изменить себя. Он призывал всех людей обратиться к изначально присущей им человечности — жэнь — и затем реализовать ее в себе посредством воспитания. Другими словами, Конфуций придерживался гуманистической ориентации, ибо видел выход из культурного кризиса в самой природе человека, а не в религиозных или духовных вопросах. Чжан пишет, что Конфуций «находил вдохновение в идеальных людях, а не в каком-то сверхъестественном существе»².

Менций (Мэн-цзы, 372–289 гг. до Р. Х.), последователь Конфуция, разработал понятия синь («сердце-разум») и син («природная сущность»). Объединенные в понятие синь-син («человеческая природа»), эти слова подразумевают изначально доброту, присущую всем человеческим существам. Путем самоосмысления и самовоспитания человек может осознать заложенное в нем доброе начало и тем самым найти Небо в «человеческой природе». Именно таким путем конфуцианцы стремятся достичь Высшей реальности.

Таблица. Три аспекта жэнь

ЦЕЛЬ	Жэнь — это цель; идеальный человек, который в «Беседах...» (собрании высказываний Конфуция) определен понятиями «сверхчеловек» и «интеллектуал». Понятие жэнь обозначает то идеальное состояние, в котором человек способен полностью реализовать себя и достичь нравственного совершенства.
ПРОЦЕСС	Жэнь — это процесс достижения цели, воспитания идеального человека. Составными частями этого процесса являются самоосмысление, самовоспитание и ответственность за свои поступки.
ОСНОВАНИЕ	Жэнь — это подлинная природа каждого человека. По учению Конфуция, изначально эта природа неиспорчена.

Вместо западного пути доказательств существования внешнего и трансцендентного Бога, Мэн-цзы указывает на внутренний путь познания Неба. Если человеческие существа возьмутся за возвращение и укрепление своей доброты, они смогут служить Небу, и на земле установится мир.

Говоря о том, что человек по своей природе добр, Мэн-цзы акцентировал эту идею в еще большей мере, чем сам Конфуций. Он писал: «Для человека так же естественно быть добрым, как для воды — течь вниз»³. И еще: «Если позволить людям следовать своим чувствам (изначальной природе), они будут творить добро»⁴.

Итак, взгляды раннего конфуцианства на мир можно подытожить так:

ПОДЛИННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА	Жэнь («подлинная природа человека») — основное и изначально доброе свойство человека. Оно служит источником и основанием всех добродетелей и обрядов.
ТРЕБОВАНИЕ НЕБЕС	Жэнь — это требование Небес. В обычном понимании фраза «требование Небес» подразумевает существование антропоморфного божества, предъявляющего нравственные требования. Тем не менее в конфуцианстве все иначе: «требование Небес» — это закон природы или нравственный порядок, присущий всему.
ОСНОВА ГАРМОНИИ	В основании гармоничной жизни должны лежать осознание человеком своего жэнь и его реализация.

Во II веке до Р. Х. император Хан Ву-Ти провозгласил конфуцианство официальной идеологией Китая. Все другие философские школы были признаны еретическими и потому запрещены. Конфуцианство стало частью имперского строя, а его последователи — интеллектуальной элитой монархии и советниками двора.

В 124 году до Р. Х. была основана императорская академия. Основу образования составил конфуцианский кодекс поведения.

В период имперского признания конфуцианства интеллектуальная элита стала в Китае правящим классом. Культура и политика объединились: конфуцианская идеология оправдывала политический строй, а политический строй защищал культуру.

Проникнув в Китай во II веке н. э., буддизм быстро получил там широкое распространение и с 500 до 850 года занимал доминирующие позиции в религиозной жизни страны. Конфуцианская идеология, хотя и не лишившаяся политического влияния, подверглась тяжелым испытаниям.

В годы правления династии Сун (960–1368 гг.) возникло движение за возрождение конфуцианства, известное под именем неоконфуцианства. Неоконфуцианские философы включили в конфуцианство элементы буддийского учения.

Однако в ответ на буддийское учение об «онтологии Пустоты» (Высшая реальность есть ничто) неоконфуцианцы разработали учение о Тянь-ли («Небесном принципе»). Тянь-ли — это врожденная нравственная природа и источник нравственного добра в синь-син («человеческая природа»). Неоконфуцианцы говорили, что суть человечества и мира — не Пустота; напротив, этот мир — мир творчества, в основании которого лежит принцип добра.

Неоконфуцианцы вновь провозгласили Конфуция Мудрецом, а затем привели философию Мэн-цзы (Второго Мудреца) в соответствие с ортодоксальным учением. Таким образом, конфуцианство вновь стало официальной государственной идеологией, и этот статус сохранялся за ним вплоть до начала XX века, когда в 1911 году на смену империи пришла республика.

В начале XX века разочарованная китайская интеллигенция стала обвинять конфуцианство в том, что попытки обновления в Китае закончились крахом. Особенно ярким тому свидетельством в 1919 году стало Движение четвертого мая. Именно в тот момент, когда китайская интеллигенция занималась поисками новой идеологии, которая могла бы прийти на смену конфуцианству, на сцене появился Мао, и вместе с ним идеология коммунизма.

После бурного завершения революции 1949 года и создания Китайской Народной Республики почти все китайцы приняли новую коммунистическую идеологию. Конфуцианство подверглось резкой критике как «контрреволюционное движение» и «феодалная отравка».

Однако медовый месяц маоистской коммунистической идеологии оказался недолгим, главным образом вследствие печального опыта культурной революции 60-х годов. Ностальгия по традиционным китайским ценностям в 80-е годы вылилась в новое течение. А в начале 90-х годов многие ученые вновь обратились к конфуцианству под знаменем нового культурного возрождения Китая.

КОНФУЦИАНСКИЙ КАНОН

Канон конфуцианства открывается пятью классическими трудами: И цзин («Книга перемен»), Ши («Книга стихов и песен»), Шу («Книга преданий»), Ли («Книга обрядов») и Чюнь цю («Книга весны и осени» или «Летописи истории»).

Поскольку в состав и «Книги обрядов», и «Книги весны и осени» входят по три тома комментариев, общее число канонических книг — девять. Добавив к этому списку еще четыре книги: Лунь юй («Беседы и суждения») Конфуция, Мэн цзы («Книга Мэн-цзы»), Сяо цзин («Книга сыновнего благочестия») и Эр я («Книга древних слов»), мы получим список из тринадцати сочинений, которые и составляют канон конфуцианской литературы.

Неоконфуцианцы XIII столетия считали книги Мэн цзы, Чжун юн и Да сюэ ортодоксальным толкованием мыслей Конфуция. Неоконфуцианский учитель Чжу Си объединил эти три книги с «Беседами...» и таким образом создал программу обучения и самовоспитания. Этот сборник известен под названием «Четыре книги» и начиная с XIV столетия стал официальным эталоном для всех учителей. Чжан пишет:

Эти четыре книги и комментарии, которые сделал к ним Чжу Си, легли в основу экзамена для чиновников, принимаемых на государственную службу, и использовались в этом качестве с 1313-го по 1905 год, превзойдя по важности и влиянию все другие классические произведения⁵.

Таблица. Конфуцианское мировоззрение

БОГ	До Конфуция о Боге говорили как о личности и называли Его Ди или Шан Ди. Однако Конфуций употреблял применительно к Высшей реальности понятие Тянь, имеющее менее личное значение, — Небо ⁶ .
ПОВЕЛЕНИЕ НЕБА	Природе присущ внутренний нравственный порядок. Для того чтобы в обществе была гармония, человечество должно стремиться придерживаться этого нравственного порядка.
ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА КОНФУЦИАНСТВА	Напоминать о присущей человеку природной доброте и искать пути ее реализации.
ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА	Считается, что природа человека неиспорчена, а в потенциале — совершенна. Зло возникает только тогда, когда мы вынуждены поступать плохо или позволяем своему разуму поддаваться дурным влияниям.
СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ДОБРОГО НАЧАЛА	Реализовать заложенное в нас добро мы можем посредством обучения, самоосмысления, самовоспитания, а также соблюдая принятые культурные нормы.
МИР	Небесное блаженство в христианском понимании не является задачей конфуцианства. Небо — это только основа творческой деятельности, которая проявляется в каждой детали мироздания. Иногда к Небу прилагаются личностные качества, но в остальных случаях они рассматриваются как творческая нравственная сила.
НЕБО	Мир рассматривается как место, где каждый должен совершать добрые дела, любить других людей и усердно трудиться, возделывая землю. Человек, реализовавший свою доброту, становится «сотрудником» Неба. Он может наделять добром других людей и вещи. Такой человек осознает гармонию, которая, как считается, существует между человечеством и природой.

СОВЕТЫ БЛАГОВЕСТВУЮЩЕМУ

Проповедуя Евангелие тем, кто находится под влиянием конфуцианства, вы можете воспользоваться несколькими приемами, речь о которых пойдет ниже. У этих приемов есть ряд особенностей.

Во-первых, их отправной точкой является смирение, выражающееся в уважении к мудрости конфуцианства.

Во-вторых, эти приемы зиждятся на мировоззренческом фундаменте, что очень важно для жителей Азии. Почему? Потому что подход азиатов к истине основан скорее на целостности мировосприятия, чем на жесткой логике. Жители Азии полагают, что логика — это низшая ступень понимания истины. Они воспринимают действительность как единое целое. Чем более всеобъемлюща теория, тем ближе она к истине. Христианская вера шире по своему диапазону, потому что она выходит за пределы «земного», говорит о небесах и объясняет, почему мы не можем жить в соответствии с нравственными нормами, которые предлагает конфуцианство.

В-третьих, наши приемы благовестия должны не дискредитировать азиатскую традицию мудрости, а использовать и развивать ее.

В-четвертых, предлагаемые приемы приглашают вашего собеседника трезво взглянуть на традиции, расширить свои духовные горизонты и принять искупление, дарованное нам Иисусом Христом.

Построить беседу можно следующим образом:

Нравственная непорочность человечества

Для начала поговорите о вере конфуцианства в нравственную непорочность человеческой природы и в общечеловеческую потребность в справедливости. Мэн-цзы говорил: «Чувство добра и зла есть в каждом человеке»⁷.

Он также говорил: «У всех людей есть душа, которая не может выносить страдания других»⁸. Из этих слов, выражающих общую для всех людей способность к сопереживанию, следует важный вывод.

Трансцендентные корни человеческой доброты

Человеческая доброта, потребность в справедливости и «ощущение добра и зла» наводят на мысль о том, что все эти врожденные свойства человека проистекают из какого-то одного источника, который находится вне нас. Эти понятия не имели бы большой нравственной силы и значения, если бы их корни лежали в личных предпочтениях или в морали общества.

Кроме того, каковы метафизические корни нашего сочувствия страданиям окружающих, которое, по словам Мэн-цзы, «присуще всем людям»? Если Небо — безличный принцип, то не является ли наше страдание результатом того, что мы живем в противоречии с нравственными законами, т. е. нарушаем нравственный порядок вселенной? Другими словами, не пожинаем ли мы плоды того, что посеяли? В таком случае Небу нет дела до наших страданий.

Наконец, не исходит ли наше сочувствие от Личности, от Бога, Которому безразличны страдания людей?

Свидетельства того, что Бог — Личность

Лучшим объяснением природы того источника, из которого происходят человеческая доброта и справедливость, является то, что это Личность, ибо безличный принцип не способен различать нравственные категории.

Конфуций лишил Высшее черт личности, говоря о нем как о Тянь (Небе), а не как о Ди или Шан Ди. Тем не менее в «Беседах...» есть некоторые указания на то, что Конфуций все-таки признавал за Высшим определенные признаки личности. Например, в «Беседах...» говорится:

Конфуций сказал: «Увы! Никто не знает меня!» Цзы-кунг сказал: «Почему никто не знает тебя?» Конфуций сказал: «Я не жалею на Небо. Я не упрекаю людей. Я познаю вещи на низшем уровне, но мое понимание проникает на высший уровень. Небо знает меня»⁹.

«Знать» кого-либо — это свойство личности, а не безличного принципа. Следовательно, этими словами Конфуций приписывает Небу черты личности.

Другой способ подвести собеседника к мысли о том, что Бог — Личность, — указать на то, что гармония, о которой говорится в конфуцианстве, основана на отношениях:

- правителя и подчиненного,
- родителя и ребенка,

- мужа и жены,
- старшего и младшего,
- друзей.

Дело в том, что конфуцианство говорит: смысл нашей жизни зависит от наших отношений друг с другом. Для приверженца конфуцианства немислимо говорить о жизни вне контекста этих взаимоотношений.

Но если осмысленность нашей жизни зависит от взаимоотношений людей, то как может быть, что самый главный вопрос — вопрос нашего отношения к Высшей реальности — лишен всяких личностных черт? Если бы Бог не был Личностью, разве это не умаляло бы значения личностных отношений здесь, на земле? Если же Бог действительно Личность, то земные взаимоотношения приобретают еще большее значение, поскольку они указывают на разные грани (преданность, честность, послушание, уважение, верность) нашего отношения к Богу.

Человек добр по своей природе

Конфуций и (даже в большей степени) Мэн-цзы учили, что человек по своей природе добр. Для обозначения этой изначальной непорочности они использовали слово синь-син («человеческая природа»).

Христиане могут согласиться с конфуцианством в том, что изначально человек был непорочен. Другими словами, в момент творения Бог создал людей по Своему образу и подобию и признал, что сотворенный Им человек и все остальное творение хороши (см. Быт. 1:31).

Молчащий Бог

Конфуцианцы считают, что Небо молчит.

Конфуций сказал:

«Я ничего не хочу говорить». Цзы-кунг сказал: «Если ты ничего не скажешь, то как можем мы, малые ученики, узнать и передать остальным?» Конфуций сказал: «Разве Небо (Тянь, Природа) говорит что-нибудь? Четыре времени года идут своим ходом, и все получается само собой. Разве Небо говорит что-нибудь?»¹⁰

Другими словами, подобно тому, как Конфуций мог учить, не говоря ни слова, Небо также может учить, храня молчание. Мэн-цзы тоже учил: «Небо не говорит»¹¹.

Этот «молчащий Бог» подобен библейскому понятию «общего» откровения: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18:2).

Хотя учить на самом деле можно и молчанием, ни Конфуций, ни Мэн-цзы не использовали для поучений одно лишь молчание. В конце концов Конфуций воспользовался речью, чтобы заявить о том, что он ничего не скажет. Если Конфуций и Мэн-цзы использовали для своих поучений и наставлений речь, а это именно так, то почему они сочли нужным сказать, что Небо (или Бог) может учить только молча?

Предложите вашему собеседнику подумать над тем, может ли Бог говорить с человеком, особенно если Он — Личность, ведь любящий Бог наверняка захотел бы это сделать.

Кроме того, объясните собеседнику, что мы, христиане, верим в то, что Бог уже обратился к людям, воплотившись в Иисусе Христе (см. Ин. 1:1; Евр. 1:1–2) и посредством Библии (см. 2 Тим. 3:16; 2 Пет. 1:21).

Человеку присуще не только добро

Соглашаясь с тем, что человеку присуще добро, мы также видим, что человеку присуще не только добро. Мы видим, что в человеке есть зло, и увиденные нами плохие стороны человеческой природы не согласуются с основополагающим догматом конфуцианства, который состоит в том, что человек добр по своей природе. Если человек действительно изначально непорочен, то почему совершать хорошие поступки нам не так уж просто и естественно?

Разве наш жизненный опыт подтверждает учение о природной доброте человека? Разве наши мысли, например, направляются сами собой к добру, когда люди говорят о нас плохо? Разве мы автоматически испытываем любовь к тому, кто нас обидел? Если кто-то обогнал нас

по службе, разве готовы мы тут же признать его более достойным, чем мы сами, и поздравить с успехом?

Конфуций сказал: «Я никогда не видел того, кто по-настоящему любил бы человечество»¹². Почему? Если добро заложено в нашей природе, то любовь должна приходить естественно, сама собой.

Конфуций и сам признался, что «путь высшего человека тройствен, но я не смог достичь его»¹³. Мэн-цзы выразил ту же мысль: «Никто не может во всей полноте развить свои природные способности»¹⁴. Почему же так трудно достичь этого, если, как пишет Конфуций, «человек рождается с прямоотой и честностью»¹⁵?

Мэн-цзы приводит две причины того, почему мы творим зло и почему нам так трудно достичь идеала доброты. Во-первых, говорит он, мы вынуждены творить зло:

Для человека так же естественно быть добрым, как для воды — течь вниз. Нет человека, в котором не было бы этой природной доброты, как не бывает воды, которая не текла бы вниз. Можно ударить по воде так, что она брызнет вам в лицо, можно поставить запруду и направить воду вверх по склону. Но разве это заложено в природе воды? Обстоятельства вынуждают ее течь вверх. Человека можно заставить творить зло, ибо и с его природой можно обойтись так же¹⁶.

Во-вторых, мы творим зло, потому что позволяем своему разуму опуститься до этого:

В хорошие годы большинство молодых людей ведут себя хорошо. В плохие годы большинство из них обращается ко злу. Это обусловлено не различием природных способностей, дарованных Небом. Обращение ко злу обусловлено тем, что их ум опускается до зла¹⁷.

Обратите внимание на то, как противоречат друг другу эти два высказывания Мэн-цзы. В первом Мэн-цзы говорит о нашей природной склонности творить добро, о том, что мы творим зло, только когда нас к этому принуждают. Во втором высказывании он говорит, что если мы позволим своему сознанию идти естественным путем, оно будет склонно «опуститься до зла».

Так как же? К чему склоняется наша природа — к добру или ко злу? Если к добру, то что заставило Конфуция дать нам свой вариант «золотого правила»: «Не делай другим того, чего не хочешь получить от них»¹⁸. Если бы мы были добры по своей природе, зачем вообще понадобилось бы такое напоминание?

Поговорите с вашим другом о той внутренней борьбе, которую переживал Павел: «...Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» (Рим. 7:18). Что лучше отражает наше внутреннее состояние: учение о том, что мы добры по своей природе и поэтому делать добро для нас естественно и легко, или учение о том, что мы разрываемся между добром и злом и наша неспособность делать добро часто приводит нас в уныние?

4 июня 1989 года справедливость христианского подхода получила горькое подтверждение, когда коммунистическое правительство Китая жестоко подавило демократическую демонстрацию на площади Тянаньмень. Один китайский студент сказал: «Христианство — очень реалистичная религия, потому что оно, в отличие от традиционных религий Китая, исходит из предпосылки, что во всем виноваты люди, а не обстоятельства, и именно это нас привлекает!»¹⁹ А профессор добавил: «Четвертое июня показало людям, что человек плох; но все китайские религии учат нас, что человек добр, поэтому приходится обращаться к христианству. Это единственная реалистичная религия»²⁰.

Главная проблема человечества

Почему мы сталкиваемся с такой двойственностью в нашей природе — хотим делать добро, а делаем нечто прямо противоположное? Вероятно, потому, что мы были созданы по образу святого Бога, но впоследствии восстали против Него. В результате именно бунт против Бога является сутью нашей природы. Нами движет стремление к независимости от Бога, а не доброе начало.

И вот мы уже не только не ищем Бога, но даже не следуем Его образу, который и есть эталон заложенного в нас добра. Вместо этого мы стремимся к земным вещам и находим удовлетворение и покой в творениях человеческих рук — в деньгах, образовании, успехе, — но не в Боге. В самих этих вещах нет ничего плохого — плохо, когда в погоне за ними мы забываем Бога.

Конфуций говорил: «У того, кто грешит против Неба, нет Бога, которому он мог бы помолиться»²¹. Здесь можно сказать о том, что у нас нет Бога, Которому можно молиться,

потому что наши грехи отделяют нас от Него (см. Кол. 1:21). Главная проблема человечества состоит в том, что мы предпочли жить отделенными от Бога.

Потребность в примирении

Поскольку главной проблемой для нас является разрыв отношений с Богом вследствие нашего греховного выбора, нам нужно восстановить эти отношения. Такое примирение не под силу человеку. Бога, Которому мы причинили боль, нельзя заставить примириться с нами. Только Он Сам может в примирении явить Себя нам.

Говорящий Бог

Нам необходим «говорящий Бог», Который открыл бы человечеству Свои намерения относительно прощения и примирения. Сами постичь их мы не в силах.

Однако Конфуций не предлагает нам возможности получить прощение. Вместо этого он говорит: «Человек рождается прямым и честным. Потеряв эти качества, он будет только счастлив избавиться от своей жизни»²². Точно так же считает Мэн-цзы: «Человечность [жэнь] — суть человека, а праведность — его путь. Горе человеку, который уходит с этого пути и не следует ему»²³. В этих словах нет и намека на прощение.

Бог, напротив, открыл нам Свой замысел прощения и примирения и осуществил его в смерти и воскресении Иисуса Христа:

...Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения (2 Кор. 5:19).

В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши (1 Ин. 4:10).

Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды (1 Ин. 1:9).

ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ ХРИСТИАНСТВА, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Возражение первое: «Если человечество может спастись только верой в Иисуса Христа, значит, у нехристиан нет возможности достичь высот развития личности. Однако вполне очевидно, что многие китайцы нехристиане достигли высочайшего уровня развития личности путем самоосмысления и самовоспитания, который предлагает их традиционная философия и культура».

Возможный ответ. Проведя границу между творением и искуплением, мы увидим, что нехристианин, возможно, сумеет достичь определенного уровня личной добродетели, реализуя доброе начало, заложенное в творении. Однако нельзя предположить, что он может достичь «спасения», ибо спасение представляет собой наивысший уровень (праведность) и может быть достигнуто только Божьим искуплением, которое совершил Иисус Христос.

Напротив, понятие «еще не спасенные» вовсе не означает, что христиане могут смотреть свысока на опыт нехристиан. Но мы должны четко различать добродетельную жизнь и спасение. Спасение достигается верой, тогда как добродетельная жизнь — вопрос поведения. Спасение представляет собой межличностные отношения с Богом; добродетельная жизнь — нравственные усилия человека, непосредственно с Богом не связанные.

Возражение второе: «Различие между „общим“ и „особым“ откровением несправедливо по отношению к другим религиям и отражает „имперские амбиции“ христианства, которое претендует на особые привилегии и считает себя духовно выше прочих верований».

Возможный ответ. Замените различие между «общим» и «особым» откровением на различие между «молчащим Богом» и «говорящим Богом». Это устранил эмоциональную окраску указанных понятий.

Возражение третье: «В отношении культуры христиане находятся в странах Восточной Азии как бы в гостях, поэтому они должны вести себя скромно и не пытаться ставить себя выше хозяев».

Возможный ответ. Мы, христиане, должны на деле показать, что мы достаточно смиренны, чтобы с уважением относиться к мудрости, которая содержится в конфуцианстве. Только тогда нехристиане с уважением отнесутся к нашему предложению открыть свое сердце и принять благодать по вере в Иисуса Христа, т. е. признать Христа своим Спасителем.

Возражение четвертое: «Понятие Тянь (Небо) одновременно трансцендентно и имманентно, оно гораздо шире, чем понятие христианского Бога, который трансцендентен, но никак не имманентен».

Возможный ответ. Бог Библии не только трансцендентен [т. е. не принадлежит к этому миру], но и имманентен [т. е. принимает участие в жизни этого мира]. Бог «держит все словом силы Своей» (Евр. 1:3; см. также Ин. 1:1–3; Кол. 1:17). Он имманентен, потому что присутствует во всех вещах, и нет такого места, где мы могли бы укрыться от Бога: «...Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем...» (Деян. 17: 27–28).

Более того, Бог участвует в жизни этого мира посредством Святого Духа, пребывающего в верующих (см. 2 Тим. 1:14; см. также Рим. 8:9–11; 1 Кор. 6:19).

Если конфуцианцы ставят под вопрос имманентность христианского Бога, то христианин, в свою очередь, может усомниться в трансцендентности конфуцианского Тянь. Конфуцианство определяет Тянь как нравственный порядок, заложенный во всем. В чем же трансцендентность и, следовательно, всеохватность Тянь? Если ваш собеседник признает, что Тянь трансцендентно и отлично от творения, ему будет несложно принять, что Бог — Личность и что мы своим грехом отделили себя от Бога.

ВОПРОС ПОЧИТАНИЯ ПРЕДКОВ

Из классических текстов известно, что китайцы чтили Ди (Творца) еще до периодов Весны и Осени (771–221 гг. до Р. Х.). Однако Бог Творец представлялся им очень далеким от человеческого мира, поэтому философы, подобные Конфуцию и Мэн-цзы, преобразовали представление о Боге в понятие Тянь (Небо), которое является творческим началом всего сущего, в том числе и человечества.

Обычные люди (нефилософы) верили, что их предки уже не принадлежат к этому миру и живут где-то поблизости от Бога. Всплеск культа предков свидетельствует о том, что древние китайцы искали посредника, который помог бы им преодолеть пропасть, отделяющую их от Бога.

Изначальная философская мудрость, стоявшая за культом предков, по мнению Конфуция, должна была внушать уважение к предкам, а не выливаться в поклонение каким-то невидимым духам. Впоследствии эта идея была искажена привнесением буддийского учения о реинкарнации.

По мере того как китайцы приходили к мысли о том, что усопшие продолжают жить после смерти, они начинали верить, что их предки где-то существуют в виде духов. Этим духам начали даже приписывать способность благословлять и проклинать живущих, поэтому успех в жизни стали связывать с расположением предков. С тех пор культ предков обогатился обрядовой практикой, основанной на суевериях и стремлении задобрить духов.

С христианской точки зрения изначально конфуцианская мудрость, подчеркивающая уважение к предкам, ни в коей мере не противоречит библейскому учению. Христиане тоже помнят и почитают своих предков. Организация особых поминальных служб в церквах для выходцев из Азии никак не противоречит библейским принципам.

Однако христиане не поклоняются своим предкам и не воспринимают их как богов или духов, которых необходимо улаживать. Поступать иначе будет не только суеверием, но и неуважением к покойным.

Единственным истинным посредником между Богом и человеком является Иисус Христос (см. 1 Тим. 2:5). Благодаря Ему мы можем стать детьми Бога (см. Ин. 1:12). На этой

основе возникают трансцендентные взаимоотношения, потребность в которых ощущал Конфуций, этот мудрый философ древности.

СЛОВАРЬ КОНФУЦИАНСКИХ ТЕРМИНОВ

Жэнь — человечность, небесная основа «сердца-разума» человека; фундамент таких добродетелей, как любовь, уважение, верность, прощение.

Инь-ян — две формы силы, называемой Тай-цзи; их взаимодействие образует все, что существует или происходит во вселенной.

Ли — ритуал, обряд, правила поведения, нормы этикета, особенно в общественных отношениях.

Син — природная сущность; в сочетании с синь (синь-син) означает «человеческая природа» и считается изначально доброй.

Синь — «сердце-разум», душа человека.

Тай-цзи — Великое Высшее; безличное творческое начало, которое проявляется силами инь-ян и, следовательно, присутствует в каждом элементе вселенной.

Тао (Дао) — Путь или Всеобщий принцип; Путь мудрого правления.

Тянь — Небо, источник всех ценностей и человеческой доброты. Иногда воспринимается как молчаливая личность, Бог. Чаще всего используется в значении высшей созидательной силы (безличной), из которой проистекает все.

Ци (ки) — жизненная сила (первоначальное значение — «дыхание», «воздух»); единая материальная и энергетическая основа всего сущего.

Примечания

1 Chan, Wing-Tsit. A Source Book in Chinese Philosophy, 1963, p. 4.

2 Ibid., p. 15.

3 Ibid., p. 52.

4 Ibid., p. 54.

5 Ibid., p. 51.

6 См.: Ibid., p. 16.

7 Цит. по: Ibid., p. 54.

8 Цит. по: Ibid., p. 65.

9 Цит. по: Ibid., p. 43.

10 Цит. по: Ibid., p. 47.

11 Цит. по: Ibid., p. 77.

12 Цит. по: Ibid., p. 26.

13 Цит. по: Ibid., p. 42.

14 Цит. по: Ibid., p. 54.

15 Цит. по: Ibid., p. 29.

16 Цит. по: Ibid., p. 52.

17 Цит. по: Ibid., p. 55.

18 Цит. по: Ibid., p. 39.

19 MacMillan, R. China's University Students Embracing Christianity // News Network International, January 17, 1990, p. 3.

20 Ibid.

21 Цит. по: Chan, p. 25.

22 Цит. по: Ibid., p. 29.

23 Цит. по: Ibid., p. 58.

Религии мира. Краткий путеводитель. Под ред. Дина Халверзона (Серия "Сумрачные пути"). - СПб., изд-во "Шандал", 2002. - 288 с. ISBN 5-94861-007-1